

Cahiers du
MONDE RUSSE

Cahiers du monde russe

Russie - Empire russe - Union soviétique et États
indépendants

53/4 | 2012
Varia

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ИНСТИТУТЫ И ГРАЖДАНСКИЕ ДОБРОДЕТЕЛИ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ Н.И. ПАНИНА (60 – 80-Е ГГ. XVIII В.)

*Les institutions d'État et les vertus civiques dans la pensée politique de Nikita
Panin (1760-1780)*

*State institutions and civic virtue in Nikita Panin's political thought
(1760s-1780s)*

Константин Д. Бугров

Édition électronique

URL : <http://journals.openedition.org/monderusse/9399>

DOI : 10.4000/monderusse.9399

ISSN : 1777-5388

Éditeur

Éditions de l'EHESS

Édition imprimée

Date de publication : 15 décembre 2012

Pagination : 507-522

ISSN : 1252-6576

Référence électronique

Константин Д. Бугров, « Государственные институты и гражданские добродетели в политической мысли Н.И. Панина (60 – 80-е гг. XVIII в.) », *Cahiers du monde russe* [Онлайн], 53/4 | 2012, Выложить онлайн 10 décembre 2015, Наводить справки в 01 mai 2019. URL : <http://journals.openedition.org/monderusse/9399> ; DOI : 10.4000/monderusse.9399

КОНСТАНТИН Д. БУГРОВ

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ИНСТИТУТЫ И ГРАЖДАНСКИЕ ДОБРОДЕТЕЛИ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ Н.И. ПАНИНА

(60 – 80-е гг. XVIII в.)*

Нередко политическая история России XVIII – XX вв. рассматривается преимущественно как история модернизации властных структур и институтов самодержавной монархии. Однако наряду со структурно-институциональным подходом к анализу политической истории России возможен и другой – реконструкция специфического понимания политики, характерного для людей ушедших эпох. Насколько эффективен подобный подход для изучения российской политической истории?

Именно этот вопрос обсуждается в настоящей статье на материалах, раскрывающих политическую мысль одного из наиболее влиятельных государственных деятелей екатерининской России – Н.И. Панина, чье интеллектуальное наследие включает несколько крупных проектов, посвященных политическим реформам (некоторые из них были предложены 762 г.¹, другие – выдвинуты позднее, в начале

* Статья подготовлена в рамках реализации гранта Правительства РФ по привлечению ведущих учёных в российские образовательные учреждения высшего профессионального образования и научные учреждения государственных академий наук и государственные научные центры Российской Федерации. (Лаборатория эдиционной археографии, Уральский федеральный университет). Договор № 14.А12.31.0004 от 26.06.2013 г.

1. Проект 1762 г. был опубликован: «Бумаги, касающиеся предположения об учреждении Императорского совета и о разделении Сената на департаменты в первый год царствования Екатерины II. (28-го декабря 1762 года)», *СИРИО*, СПб.: Тип. Имп. Академии наук, 1871, т. 7, с. 200-201. Подлинный документ, впрочем, представляет больший интерес, поскольку при публикации не были учтены многочисленные правки в черновом тексте, но – поскольку для предмета данной статьи они не имеют принципиального значения – я буду ссылаться на публикацию. В 2010 г. российский историк Сергей Польской опубликовал ряд новых материалов, касающихся дискуссии вокруг проекта Панина летом – осенью 1762 г., включая важные пояснения самого Панина (см.: С.В. Польской, *Неизвестная записка Н.И. Панина и «Примечания» на проект Императорского совета*, изв. Самар. науч. центра РАН, 2010, № 6, с. 173-182).

80-х гг. XVIII в.²). Историографическая традиция обычно расценивает эти проекты как важный элемент российской конституционалистской традиции; в рамках подобной модели акцент делается на *институциональных* «ограничениях», которые Панин надеялся установить для самодержавной власти с помощью особых политических *институтов*.

Так, в лекции LXXVII «Курса русской истории» Василий Ключевский охарактеризовал предлагавшийся Паниным Императорский совет как «чисто совещательное учреждение, нисколько не посягавшее на полноту верховной власти <...> закономерное, гласным законом установленное учреждение с оформленным порядком делопроизводства»; Совет должен был быть не более чем «законодательной мастерской», в нем «неясно и неумело предначертан будущий Государственный совет Сперанского, оказавшийся вполне безопасным политически»³. Полностью противореча самому себе, Ключевский вновь упоминал о проекте Панина в лекции LXXIX «Курса»:

Граф Никита Панин вскоре после переворота предложил императрице проект Государственного (так! – К.Б.) совета. Граф Никита не был совершенно чужд аристократических идей 1730 г. Он недаром долго жил посланником в Стокгольме, и шведский Государственный совет с аристократическим составом был для него образцом высшего правительственного учреждения. <...> Екатерина приняла было проект Панина и даже подписала манифест о новом постоянном совете, даже назначила его членов, но кто-то растолковал ей мысль Панина, и подписанный манифест остался необнародованным.⁴

Ключевский, таким образом, зафиксировал обе «классические» точки зрения на проект Панина, на основании которых и сложились две ведущие традиции в историографии. Противоположные мнения продолжали доминировать: так,

2. Эта группа источников обладает более сложным составом, поскольку не включает текстов, написанных Паниным собственноручно, хотя все эти тексты были созданы под его сильнейшим влиянием. Ключевым среди них является «Рассуждение о неперменных государственных законах», записанное секретарем Панина, Денисом Фонвизиным, со слов своего патрона (Д.И. Фонвизин, *Рассуждение о неперменных государственных законах*, Д.И. Фонвизин, *Собр. соч.: в 2 т.*, т. 2, М. – Л.: Гос. изд-во худ. лит-ры, 1959). Цесаревич Павел Петрович, чьим наставником Панин был в 60-х – начале 70-х гг. XVIII в., также составил конспект одной из своих последних бесед с Паниным. Этот конспект известен как «Рассуждения вечера 28 марта 1783»; он был опубликован российским историком Михаилом Сафоновым (М.М. Сафонов. «Конституционный проект Н.И. Панина – Д.И. Фонвизина», *Вспомогательные исторические дисциплины*, М.: Наука, 1974). Наконец, существует несколько текстов, которые брат Никиты Панина, генерал Петр Панин, подготовил для Павла Петровича, чтобы прояснить те политические вопросы, которые братья когда-то обсуждали вместе; эти бумаги были опубликованы Евгением Шумигорским (Е.С. Шумигорский, *Император Павел I. Жизнь и царствование. Приложение*, СПб.: Тип. В. Д. Смирнова, 1907).

3. В.О. Ключевский, «Курс русской истории», В.О. Ключевский, *Сочинения*, в 9 т., т. 5, М.: Мысль, 1989. с. 64–65.

4. Там же, с. 105.

на рубеже XIX – XX вв. Николай Чечулин считал, что проект Панина был попыткой рационализировать абсолютную власть, не посягая на нее⁵, тогда как Василий Бильбасов настаивал на республиканских устремлениях автора проекта⁶. Разумеется, аргументация изменялась с течением времени – так, в XX в. проекты Панина стали считаться частью «дворянской мысли», оказавшись связаны с сословной либо классовой детерминацией (во многом такая концепция опиралась на работы Григория Гуковского, который расценил панинский проект как манифест «дворянской фронды» и, таким образом, вписал биографию Панина в широкий контекст социальной борьбы⁷). Но в целом проблема остается все той же, вне зависимости от того, считаются ли проекты Панина орудиями борьбы с самодержавием⁸ либо попытками бюрократической рационализации⁹: *поскольку* история Панина предстает как история преобразования властных структур (вне зависимости от того, была ли это реформа или заговор), *постольку* эта история имманентно связана с прояснением вопроса об оппозиционности. Анализ институциональной архитектуры предлагавшихся государственных преобразований реконструируется как программа, которая затем связывается с социальными аспектами получая «сословный», «аристократический» или «бюрократический» характер. Однако позволяет ли это убедительно интерпретировать содержание проектов Панина и реконструировать его представления о политике? Ниже я постараюсь показать, что проблема институциональных реформ в панинском понимании политики занимала второстепенное (хотя и важное!) место и была, в сущности, следствием его представлений о том, какими гражданскими добродетелями должен обладать государственный муж.

Необходимо отметить, что внимание исследователей политической истории России Нового времени в последние годы все больше фокусируется на социокультурной специфике этого периода, демонстрирующей себя

5. Н.Д. Чечулин, *Проект Императорского совета в первый год царствования Екатерины II*, СПб.: Тип. В.С. Балашева и Ко, 1894, с. 14.

6. В.А. Бильбасов, «Панин и Мерсье де ла Ривьер», В.А. Бильбасов, *Исторические монографии*, т. 4. СПб.: Тип. И.Н. Скороходова, 1901, с. 1-83.

7. Г.А. Гуковский, *Очерки по истории русской литературы XVIII в. Дворянская фронда в литературе 1750-х-1760-х гг.*, М. – Л.: Изд-во АН СССР, 1936.

8. К этой традиции можно отнести следующих авторов: В.А. Петрова, «Политическая борьба вокруг сенатской реформы 1763 года», *Вестник Ленград. ун-та* (сер. «История, язык, литература»), 1967, № 8, с. 57-66; М.М. Сафонов, «Конституционный проект Н.И. Панина – Д.И. Фонвизина», вып. 6, с. 261-280; Л.Н. Вдовина, «Дворянский конституционализм в политической жизни России XVIII в.», *Монархия и народовластие в культуре Просвещения*, М.: ИВИ, 1995, с. 36-48; С. Whittaker, *Russian Monarchy: Eighteenth-Century Rulers and Writers in Political Dialogue*, DeKalb: North Illinois Press, 2003, р. 256-257; С.В. Польской. «Дворянский конституционализм в России XVIII - начала XIX в.», *Вопросы истории*, 2011, № 6, с. 27-42; Э. Каррер д' Анкосс, *Екатерина II: Золотой век в истории России*, М.: РОССПЭН, 2006, с. 54-55.

9. Эта традиция опирается, прежде всего, на следующие работы: D. Ransel, *The Politics of Catherine's Russia: The Panin's Party*, New Haven: Yale University Press, 1975; А.Б. Плотиных, «Политические проекты Н.И. Панина», *Вопросы истории*, 2000, № 7, с. 74-84.

в литературных процессах, глоссариях и дискурсивных моделях – прежде всего, здесь надо назвать прорывную работу современной исследовательницы Елены Марасиновой¹⁰, а также ряд других исследований¹¹. В отношении Панина подобные попытки предпринимались и ранее. Так, Уолтер Глизон попытался (хотя и со спорным успехом) доказать факт устойчивого влияния на членов панинского окружения идей Самуэля Пуффендорфа и Христиана Вольффа¹². В свою очередь, Владимир Берелович указал на эклектизм «Рассуждения о неперменных государственных законах» и отсутствие в нем единой концептуальной логики, предложив «сконцентрировать внимание на противоречиях в его тексте»¹³.

Крайне ценными в данном отношении являются источники, позволяющие очертить границы подобной генеалогии – каталоги рукописных и печатных изданий из библиотеки Паниных¹⁴, ранее не использовавшиеся для изучения политической мысли этого екатерининского сановника. И хотя данная статья не имеет своей целью реконструкцию связи между конкретными текстами (например, между текстами Панина и Монтескье, что само по себе является интереснейшей задачей), именно такой метод я считаю принципиально важным при изучении понимания исторических феноменов их современниками.

I

Важнейшим из предполагаемых институциональных ограничений самодержавной власти традиционно считают Императорский совет, проект которого Панин предложил Екатерине II в 1762 г., практически сразу после переворота. Панин предлагал создать четыре (или, при необходимости, пять) департаментов, управляемых «штатцкими министрами» (в позднейшей правке

10. Е.Н. Марасинова, *Власть и личность: Очерки русской истории XVIII века*, М.: Наука, 2008.

11. Среди наиболее ярких (хотя и разноплановых) примеров подобного подхода к российской истории необходимо назвать следующие: В. Проскурина, *Мифы империи: Литература и власть в эпоху Екатерины II*, М.: НЛЮ, 2006; В.Л. Каплун, «Свобода в раннем российском республиканизме: гражданский республиканизм в России и европейская республиканская традиция Нового времени», *Что такое республиканская традиция: Сб. ст.*, СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2009, с. 131-152; М. Майофис, *Воззвание к Европе: Литературное общество «Арзамас» и российский модернизационный проект 1815-1818 годов*, М.: НЛЮ, 2010.

12. См.: W. Gleason, *Moral Idealists, Bureaucracy, and Catherine the Great*, New Brunswick, N.J.: Rutgers University Press, 1981.

13. W. Berelowitch, «Le “Discours sur les lois” de Fonvizin: Une éthique subversive», *Cahiers du Monde russe et soviétique*, 30 (3-4), juillet-décembre 1989, p. 193-205.

14. «Каталог книг из собрания Паниных», Б/д, не ранее 1839 г., РГАДА, ф. 1274, оп. 1, д. 2901. К сожалению, каталог не содержит указаний на то, в каком году была приобретена та или иная книга, однако ценность каталога в изучении интеллектуальной генеалогии идей Панина трудно преувеличить.

документа – «статскими секретарями», в соответствии с пожеланием императрицы). Каждый департамент имел отраслевую специализацию и, по-видимому, должен был включать соответствующие коллегии. Императорский совет объединял министров и «императорских советников», которые должны были участвовать в обсуждениях внутри Совета. Как правило, комментарии историков относительно этого проекта подчеркивают его конституционный и «ограничительный» по отношению к императорской власти характер. В пользу этой точки зрения приводятся следующие аргументы: министры были ответственны перед «публикой», несменяемы и могли де-факто накладывать вето на решения монарха, отказываясь подписывать («контрасигнировать») проекты законов¹⁵.

Казалось бы, Панин и впрямь – оказываясь, таким образом, в числе первопроходцев для российской политической традиции – предлагал «публичную ответственность» членов Совета:

<...> Когда государевы дела выходят из сих мест правительства, всякой сюрприз и ошибку публика приписывает министрам государевым, яко людям местным в государстве, которые особливым побуждением обязаны оное предостерегать, и сами так дерзко не могут взлагать то на государя, будучи честью и званием также обязаны к отчету не токмо перед своим государем, но и перед публикою. <...> Напротив того всякое благое и полезное дело тем, конечно, не меньше остается единственно на счет славы государевой, потому что он свой разум, разсуждение, желание, волю и избрание к тому употребляет изволит.¹⁶

Однако Панин не предполагал никакого коллегиального органа, перед которым члены Совета могли бы отвечать; таким образом, речь не идет об ответственности в институционально-процедурном смысле (дополнительные аргументы, позволяющие поддержать и развить это предположение, будут предложены нами в заключительной части статьи). Одновременно Панин настаивал на том, что министры и советники должны «иметь сверх способности, знания и разума, качества телесных сил к таковым большим заботам», и заключал, что «ослабление» может «требовать и перемены в их персонах»; таким образом, члены Совета – вопреки устоявшемуся мнению историков о проекте – были сменяемы¹⁷.

Принимаемые на заседаниях Совета акты и впрямь должны были быть «контрасигнированы тем штацким министром, по департаменту которого то дело производилось, дабы тем публика отличать могла, которому оное

15. См., например: D. Ransel. *The Politics of Catherinian Russia*, p. 91-92; А.Б. Каменский, *От Петра I до Павла I: реформы в России XVIII века (опыт целостного анализа)*, М.: РГГУ, 2001, с. 381.

16. *Бумаги, касающиеся предположения об учреждении Императорского совета*, с. 206.

17. По большей части эти мнения историков восходят к сообщениям враждебных Панину французских дипломатов (см., например: «M. Berenger au Duc de Praslin. Petersburg, le 21 Octobre 1763», *СИРЮ*, т. 140. СПб.: Тип. В.Ф. Киришбаума, 1912, с. 251).

департаменту принадлежит». Однако Панин отрицал саму возможность голосования в Совете, оставляя монарху исключительное право на принятие итогового решения «самодержавным повелением». Решению должна была предшествовать дискуссия; предполагаемое министерское вето в этом случае стало бы ущемлением мнения других членов Совета (особенно императорских советников, которые в таком случае превратились бы в чисто декоративные фигуры), и вся дискуссия утратила бы смысл.

Таким образом, сложно признать принадлежащий Панину проект Императорского совета инструментом ограничения власти монарха. Отметим, что само представление об уникальном «ограничительном» характере панинского проекта 1762 г. вырывает этот проект из исторического контекста и встраивает его в диахроническую иерархию российского конституционализма, направленную на достижение «современного конституционного порядка»¹⁸. Однако на деле проект Панина был частью широкого процесса политического поиска, в котором участвовали многие представители российской политической элиты рубежа 50 – 60-х гг. XVIII в. и который был, по-видимому, спровоцирован политическим кризисом последних лет правления Елизаветы. Концепция высшего совещательного органа оказалась среди центральных тем политического дискурса в этот период, позволяя выражать найденные решения конкретными политическими и административными формулами¹⁹.

К тому же, само понятие «Совета» не было новым для российской элиты. Европейская литература Нового времени изобиловала отсылками к «министрам» и «советам»; в данной связи следует назвать таких авторов, как кардинал Ришелье²⁰, Самуэль Пуффендорф²¹, Монтескье²², Эмер де Ваттель²³

18. Ransel, *The Politics of Catherinian Russia*, p. 279.

19. См. об этом: К.Д. Бугров, М.А. Киселев, «“Закон” и “Совет”: концептуальное поле проектов политических реформ российской бюрократической элиты (рубеж 50-60-х гг. XVIII в.)», *Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории*, 2010, № 33, с. 110-139.

20. Русские переводы этого текста были представлены в библиотеке Паниных и, по-видимому, повлияли на его критическое отношение к должности первого министра. См.: «Оригинальные и переводные произведения XVII, XVIII и XIX в. в рукописном виде из книжной коллекции Паниных», РГАДА, ф. 1274, оп. 1, ч. 2, с. 149-165.

21. См. французский перевод латинского труда Пуффендорфа, выполненный Жаном Барбейраком (часть XI, том II): «Dans un état un peu grand, le prince ne saurait lui seul vaquer immédiatement à toutes les affaires publiques et ainsi il est réduit à la nécessité de se décharger sur quelques personnes d'une partie des soins du gouvernement. Mais, comme ces ministres publics tirent de lui toute leur autorité, et agissent et son nom, on lui attribue, comme à la première cause, tout ce qu'ils font de bien ou de mal» (*Les Devoirs de l'Homme et du Citoyen*, traduits du latin de S. Puffendorf par J. Barbeyrac, tome 2, Paris: Chez Delestre-Boulage, 1822, p. 114).

22. См.: К.Д. Бугров. «“Дискурс Монтескье”: роль интеллектуальных заимствований в политических проектах Н.И. Панина», *Известия Уральского государственного университета*, 2009, № 4 (66), серия 2, Гуманитарные науки, с. 32-43.

23. См.: К.Д. Бугров, «Европейская философия и российское “переворотство”: “двойной язык” представлений Н.И. Панина о монархии», *Уральский исторический вестник*, 2010, № 4, с. 63-69.

– упоминая лишь тексты, которые были известны в России и с которыми Панин наверняка был знаком.

С другой стороны, он был знаком и с европейской практикой – королевскими советами разных государств, от Швеции до Франции. Традиционные указания на любовь Панина к шведским образцам (это мнение в историографии восходит к запискам Е.Р. Дашковой²⁴) не находят, насколько можно судить, подтверждения в практике Швеции «Эры свобод» – более вероятным выглядит обращение Панина к опыту французской монархии²⁵; об этом может говорить численность и функциональная специализация членов предполагавшегося Императорского совета (в Швеции, согласно «Форме правления» 1720 г., президенты коллегий не входили в состав риксрода²⁶, в то же время численность членов совета существенно превышала то число, которое предлагал в своем проекте Панин); в пользу Франции говорит и использовавшаяся в проекте Императорского совета терминология (например, употребление слова «министр»). Впрочем, российский XVIII в. обладал собственной (пусть и не очень богатой) традицией, связанной с Верховным тайным советом времен Екатерины I и Петра II и восходящей ко временам Петра Великого²⁷; обращения к этой традиции также встречаются при изучении упомянутого выше политического поиска рубежа 50 – 60-х гг. XVIII в.

Как бы то ни было, проект Панина был отвергнут императрицей. Отказу предшествовала полемика, которую Екатерина инспирировала среди своего окружения; нам известно пять «мнений» о проекте, принадлежащих различным придворным. Одно из них, «мнение» генерал-фельдцейхмейстера Александра Вильбоа, было напрямую враждебно предложениям Панина; Вильбоа опасался, что члены Совета могут стать фактическими соправителями императрицы, превратив, таким образом, монархию в олигархию или «аристократию». Подобные аргументы следует расценивать как риторические преувеличения. Вильбоа выдвинул серьезные обвинения в адрес проекта Панина, опираясь не столько на анализ текста, сколько на опыт событий 1730 г., автоматически оцениваемый как негативный – хотя эту негативную оценку в полной мере разделял и сам подвергшийся критике Панин. Риторическая стратегия «мнения» Вильбоа – наряду с замечанием Дашковой о «шведских» симпатиях Панина и «Записками» Михаила Фонвизина – до сих

24. Е.Р. Дашкова, *Записки, 1743–1810*, Л.: Наука, 1985, с. 25.

25. Это отмечал еще в 1906 г. С.П. Покровский (С.П. Покровский, *Министерская власть в России*, Ярославль: Тип. губернского правления, 1906, с. LXIV).

26. См.: *Sveriges konstitutionella urkunder*, Stockholm: SNS Förlag, 1999. Я использовал электронную публикацию текста: *Regeringsformen 1720. Kongl. Maj:ts och Rikens Ständers fastställda regeringsform daterad Stockholm den 2 maj 1720*, Stockholm: SNS, 2005. URL: <http://www.sns.se/zino.aspx?articleID=834> (дата обращения: 03.03.2010).

27. См.: А. Joukovskaïa-Lecerf, «Le conseil du tsar dans la culture politique de l'époque pétroviennne: La genèse du Conseil suprême secret, fin xviie siècle – 1726», *Cahiers du Monde Russe*, 44 (4), 2003, p. 577-603.

пор востребована в качестве источника исследовательских концепций, однако о содержании проектов Панина она говорит мало.

II

Если Императорский совет Панина – как мы постарались показать выше – не был орудием процедурного ограничения суверенной власти императора, остается другая часть обширного панинского проекта – предложенная им реформа Сената.

Какие функции Панин оставлял Сенату? В «Рассуждениях вечера 28 марта 1783 г.», записанных Павлом Петровичем со слов умиравшего Никиты Панина, политическая роль Сената была обрисована в следующих словах: «хранитель законов и исполнитель законов». Согласно этому документу, Сенат должен был частично избираться провинциальным дворянством (при утверждении кандидатов императором). Быть может, здесь находится зародыш «конституционной» системы, дворянского парламентаризма, который призван стать институтом сдерживания самодержавного произвола? Именно так считал внучатый племянник верного секретаря Панина, Дениса Фонвизина – декабрист Михаил Фонвизин, который в своих мемуарах отмечал:

[Панин] предлагал основать политическую свободу, сначала для одного дворянства, в учреждении верховного сената, которого часть несменяемых членов (*inamovibles*) назначалась бы от короны, а большинство состояло бы из избранных дворянством из своего сословия лиц.²⁸

Сенат, по словам Михаила Фонвизина, должен был стоять во главе иерархии выборных органов и обладать правом законодательной инициативы.

Мнение Михаила Фонвизина оказало сильное влияние на историографию. Однако в проекте 1762 г. Панин не только открыто критиковал амбиции Сената в отношении законотворчества, но и повторил классический для монархизма набор аргументов относительно того, что многочисленное собрание не способно обеспечить быстрое принятие решений; сходное разделение функций между Советом и Сенатом присутствует и в бумагах 80-х гг. XVIII в. Сенат, согласно Панину, должен был быть наделен «правом представления» монарху, однако сам этот концепт – очередное заимствование из французской интеллектуальной традиции, по-видимому, почерпнутое из трудов Монтескье – оставался довольно-таки туманным²⁹.

28. [Фонвизин М. А.] «Записки Михаила Александровича Фонвизина», *Русская старина*, 1884, т. 42, № 4, с. 61.

29. Впрочем, подобная концепция Сената не была чем-то принципиально новым для России второй половины XVIII в. Так, сама Екатерина II, повторяя идеи Монтескье в

Более того, Панин не проявлял особенного внимания к процедурным аспектам отношения между Сенатом и монархом, отмечая в ходе полемики вокруг своего проекта:

Невозможно думать, чтоб Сенат зделал Государю представление на его имянной указ, не объясня тому законную причину. А исполнение по вторичному о том от Государя повелению само собою разумеется. Дальнее о том предписание имело б образ несовершенства или сумнительства о самодержавстве.³⁰

Тот факт, что Панин не стал детально рассматривать процедурные аспекты «права представления» и даже отказывался считать сенатское «право представления» новацией, ссылаясь на петровский «Генеральный регламент» (правда, в известной степени переосмыслив его положения), вряд ли можно считать «ловушкой» для императрицы. Напротив, это – важнейшее свидетельство в пользу того, что Панин не ставил для себя задачей формирование жесткой, формализованной системы политического баланса, основанной на строгом разграничении прерогатив и полномочий. Да и выборность Сената не ставилась Паниным в центр политической стратегии; эта проблема затронута только в поздней записке Павла Петровича, тогда как проект 1762 г. не содержит упоминаний о выборном характере каких бы то ни было органов власти.

Вместе с тем, Сенат в построениях Панина определенно связан со своеобразным «представительством». В тексте записки Павла Петровича отмечалось:

Должно различать власть законодательную и власть законы хранящую и их исполняющую. Законодательная может быть в руках государя, но с согласия государства, а не иначе, без чего обратится в деспотизм. Законы хранящая должна быть в руках всей нации, а исполняющая в руках под государем, предопределенным управлять государством.

В силу того, что «законы хранящая» власть должна быть связана с исполнительной и согласована с ней, «необходимо нужен свободный выбор членов собрания таковой власти, как и выборы по наместничествам, которыя конфирмуются государем, чем обе власти споспешествуют к лутшему содействию, а как надобен залог твердости постановления, обеспечивающий государство и государя, то и будет сим собрание мужей, пекущихся о благе

своем «Наказе», с легкостью назвала Сенат и коллегии (объединив их под именем «правительств») российскими *«pouvoirs intermediaries»*, необходимыми для монархии; императрица особо указала на функцию Сената как *«depot des lois»*, «хранилища законов». Теоретически Сенат был наделен такой прерогативой (Екатерина подчеркивала это в «Наказе»), но не решался применять такое право на практике.

30. С.В. Польской, *Неизвестная записка Н.И. Панина*, с. 176.

общем в сохранении законов»³¹. Аналогичным образом обрисовывается положение Сената и в других документах, формирующих комплекс проектов Панина; Сенат – «собрание мужей», «залог твердости», «хранитель законов», призванный представлять «нацию» и исполнять функции судебной власти.

Что Панин имел в виду под «нацией»? Обратимся к знаменитой политической формуле, отчеканенной Паниным в «Рассуждении о непременных государственных законах» – определению уникальности российской формы правления: «Государство не деспотическое: ибо нация никогда не отдавала себя государю в самовольное его управление и всегда имела трибуналы гражданские и уголовные, обязанные защищать невинность и наказывать преступления; не монархическое: ибо нет в нем фундаментальных законов; не аристократия: ибо верховное в нем правление есть бездушная машина, движимая произволом государя; на демократию же и походить не может земля, где народ, пресмыкаясь во мраке глубочайшего невежества, носит безгласно бремя жестокого рабства»³².

Для Панина термины «нация» и «народ» не были взаимозаменяемы. Говоря о «народе», Панин обычно подразумевает «простой народ». Например, сообщая в Санкт-Петербург о восстании в шведской Даларне 1749 г., Панин – тогда еще посол России в Стокгольме – перевел шведское слово «*allmoge*» (обозначающее «крестьянство») как «общенародие».

Я полагаю, что слово «народ» служило в лексиконе Панина эквивалентом концептов «*populus*» или «*demos*»; понятие же «нация» обладало в глоссарии Панина более аристократической окраской и содержательно оказывалось связано с Сенатом, воплощающим власть «немногих» и уравнивая самодержавную власть монарха. «Нация» – «Сенат» – «дворянство»: именно такую концептуальную взаимосвязь можно проследить в построениях Панина. Но сама подобная классификация связана со старой аристотелианской классификацией политических систем, основанных на власти «одного» (монархия), «немногих» (аристократия) или «всех» (демократия). Как видно из текстов Панина, он хорошо разбирался как в функциональной классификации Монтескье (три ветви власти), так и в аристотелианской классификации, которую он наверняка хорошо усвоил в Швеции³³.

Панин признавал право «нации» на свержение тирана, что недвусмысленно выражено в «Рассуждении о непременных государственных законах». Чувствительность Панина к подобной тематике может быть

31. «Разсуждения вечера 28 марта 1783 г.», РГАДА, ф. 1, д. 57, л. 2; Сафонов, «Конституционный проект Н. И. Панина – Д. И. Фонвизина...», с. 266–267.

32. Д. И. Фонвизин, *Рассуждение о непременных государственных законах*, с. 265.

33. В описи личных бумаг Панина присутствовали составленное им собственноручно «Предложение о шведском правлении, их фундаментальный план и внутренняя система», а также сочинения на немецком языке «Разсуждение об установлении и равновесия главных ветвей власти» и «Примечания на шведскую конституцию» (РГАДА, ф. 1274, оп. 1, е.ч. 137-в. «Опись бумаг графа Никиты Ивановича Панина», Б/д, XIX в.). К сожалению, эти тексты не сохранились.

проиллюстрирована следующим примером. В первой редакции «Рассуждения о неперменных государственных законах» присутствовала характеристика «горделивого монарха»:

Если б Богу было угодно предопределять, кому властвовать и кому рабствовать, то бы он, конечно, ознаменовал чем-нибудь сию волю свою; цари, например, рождались бы тогда с короною на головах, а вся достальная часть человеческого рода – с седлами на спинах.³⁴

Эта характеристика представляет собой перефразированную цитату из предсмертной речи полковника кромвелевской армии Ричарда Рамбольда, который был казнен в 1685 г. после подавления восстания герцога Монмаута. На эшафоте Рамбольд заклеил трусость своих соотечественников-англичан:

This is a deluded generation, veiled in ignorance, that though popery and slavery be riding in upon them, do not perceive it; though I am sure that there was no man born marked by God above another; for none comes into this world with a saddle on his back, neither any bootied and spurred to ride him.³⁵

Последние слова Рамбольда были бережно сохранены в трудах историков-вигов; именно эти слова цитировал в одном из своих последних писем Томас Джефферсон³⁶.

Итак, проекты Панина все же можно считать «аристократическими» – в том смысле, что для его политической концепции принципиально важным был вопрос о взаимодействии между «одним» (монархом) и «немногими» («нацией», дворянством). Однако, признавая право «нации» противостоять тирании, Панин не уделял принципиального внимания проблеме обеспечения свободы с помощью баланса институтов и процедур. Таким образом, упомянутая Паниным роль Сената как «хранителя законов» представляется внутренне проблематичной. В особом «разъяснении», сделанном в рамках все той же дискуссии 1762 г., Панин объяснял свое понимание различий между монархией («самодержавием») и другими формами правления таким образом:

34. Сафонов, «Конституционный проект Н.И. Панина – Д.И. Фонвизина...», с. 276.

35. Мы цитируем фразу полностью, чтобы продемонстрировать контекст, из которого ее, по-видимому, воспринял Панин. Скорее всего, Панин познакомился с данным сюжетом через исторический труд Гилберта Барнета (См.: *Bishop Burnet's History of His Own Time*, vol. 3, Oxford, 1823, p. 30); французский перевод труда Барнета присутствовал в библиотеке Паниных. Упоминание «седел», которое не имеет прямой связи с «коронами», служит важным аргументом в пользу предположения о заимствовании Паниным слов Рамбольда.

36. D. Adair, «Rumbold's Dying Speech, 1685, and Jefferson's Last Words on Democracy, 1826», *The William and Mary Quarterly, Third Series*, Oct. 1952, vol. 9, №. 4, p. 526.

Самодержавная власть по едино главному изъяснению всех славных штацких мужей в том прямо состоит, что ею самодержавной Государь один может творить все общее благое и общее полезное своему народу, яко первое и единое свое перед Богом обязательство. Напротив чего в других правительствах разныя Государственные члены, разделяющия самодержавную власть, в том соглашаться и обще действовать должны.³⁷

Для России, как для «монархии», Панин отрицал разделение «самодержавной» власти и, следовательно, не предполагал такого институционального баланса, как в хорошо знакомой ему Швеции с ее «смешанной конституцией». Скорее – как мы постараемся показать ниже – его стиль мышления был сфокусирован на вопросе о личных добродетелях государственных мужей и их публичном признании.

III

Механизм политического действия «немногих» в представлении Панина был связан – как мы полагаем – с определенными добродетелями, которые «немногие» должны были демонстрировать в публичной сфере и поддерживать с целью сохранения политического баланса. Образцовые добродетели государственного мужа были описаны Денисом Фонвизиным в апологетическом сочинении «Житие графа Никиты Ивановича Панина» (1784):

Он не мог терпеть, чтоб самовластие учреждало в гражданских и уголовных делах особенные наказания в обиду тех судебных мест, кои должны защищать невинного и наказывать преступника. С великим огорчением взирал он на все то, что могло повредить или возмутить государственное благоустройство; утруждение императрицы прошением о таком деле, которое не было еще подробно рассмотрено сенатом, противуречие в судопроизводстве, подлое и раболепное послушание тех, кои по званию своему должны защищать истину ценою собственной своей жизни, – словом, всякое недостойное действие корысти и пристрастия, всякая ложь, клонящаяся к ослеплению очей государя и общества, и всякий подлый поступок поражали ужасом добродетельную его душу.³⁸

Ключевая характеристика Панина – «твердость»:

В делах, касательных до блага государства, ни обещания, ни угрозы поколебать его были не в силах. Ничто в свете не могло его принудить предложить монархии свое мнение противу внутреннего своего чувства. Колико благ сия твердость даровала отечеству!

37. Польской, *Неизвестная записка Н.И. Панина*, с. 176.

38. Д.И. Фонвизин, «Жизнь графа Никиты Ивановича Панина», Д.И. Фонвизин, *Собрание сочинений*, т. 2, с. 283-284.

Именно благодаря этому, а также благородству, рассудительности и «искусству приобретать сердца», «от всех соотечественников его дано было ему наименование честного человека»³⁹.

Картина, созданная Фонвизиним, демонстрирует важную особенность: политические действия выставлены на публичное обозрение. Недаром в панинском проекте 1762 г. говорится о том, что фавориты «для прикрытия себя перед публикою» старались свои злодеяния «возлагать на счет собственного государева самоизволения»⁴⁰. «Ласкатели» и «куртизаны» скрываются от внимания публики, ослепляют ее – «честные люди», напротив, действуют в благородной, достойной манере, не боясь публичности и не опасаясь принять на себя ответственность за конкретный совет. «Жизнь графа Никиты Ивановича Панина» показывает, как именно «немногие» должны вести себя в политическом процессе: благородный человек должен быть добродетельным, способным поддерживать личное достоинство на практике и – через публичное одобрение его деяний – может считаться «честным человеком».

Литературный двойник Панина, Стародум – главный персонаж пьесы Фонвизина «Недоросль» (1781 г., опубликована в 1783 г.) – развивает ту же тематику:

У меня мой расчет. Степени знатности рассчитаю я по числу дел, которые большой господин сделал для отечества, а не по числу дел, которые нахватал на себя из высокомерия; не по числу людей, которые шатаются в его передней, а по числу людей, довольных его поведением и делами. <...> По моему расчету, не тот богат, который отсчитывает деньги, чтоб прятать их в сундук, а тот, который отсчитывает у себя лишнее, чтоб помочь тому, у кого нет нужного.⁴¹

Наконец, в коротком сочинении «Каллисфен» (1786), Фонвизин затрагивает эту же проблематику: «При государе, которого склонности не вовсе развращены, вот что честный человек в два дни сделать может!»⁴²

Такая модель поведения, с ее акцентом на личной ответственности государственного мужа за поддержание своего достоинства и публичной репутации, определенно была инновацией для России XVIII в. (политические амбиции не были, конечно, чем-то новым *per se*, но форма их выражения вполне определенно оказалась новаторской). Ответственность членов Императорского совета перед «публикой», о которой говорилось в проекте Панина, может быть понята именно как возможность «честного человека»

39. Д.И. Фонвизин, *Жизнь графа Никиты Ивановича Панина*, с. 285.

40. *Бумаги, касающиеся предположения об учреждении Императорского совета...*, с. 206.

41. Д.И. Фонвизин, «Недоросль», Д.И. Фонвизин, *Собр. Соч.*, в 2 т., т. 2, с. 150.

42. Д.И. Фонвизин, «Каллисфен», Д.И. Фонвизин, *Собр. соч.*, в 2 т., т. 2, с. 38.

поддержать свое достоинство через публичное признание его добродетелей и деяний.

Публичное признание добродетели, таким образом, выступает своеобразной мотивационной схемой. В «Рассуждении о непременных государственных законах» Панин поместил добродетель (а именно, «честность») и публичное признание рядом, говоря о личности образцового монарха: «Первое его титуло есть титуло честного человека, а быть узнану есть наказание лицемера и истинная награда честного человека»⁴³. И впрямь, создавая биографию своего патрона, Фонвизин не преминул напомнить читателям об ответственности Панина за такие политические деяния, как Тешенский мир или вооруженный нейтралитет времен войны США за независимость. Великие деяния и политические добродетели оказываются двумя сторонами медали.

Роль же мотиватора в такой схеме отведена памяти. Память потомков открывает возможность к одному из ключевых элементов классической республиканской традиции – образцам доблестного, добродетельного поведения, запоминаемым и передаваемым из поколения в поколение⁴⁴. Фонвизинский Стародум отмечал, говоря о пороках жизни при дворе:

Тут себя любят отменно; о себе одном пекутся; об одном настоящем часе суетятся. Ты не поверишь. Я видел тут множество людей, которым во все случаи их жизни ни разу на мысль не приходили ни предки, ни потомки.⁴⁵

Механику формирования нового понимания политики в России XVIII в., которую мы проследили на примере интеллектуального наследия Никиты Панина, можно описать с помощью триады: *добродетели – действия – память*. Государственный муж может реализовывать свои добродетели только в публичном пространстве; именно в этом смысле он ответственен и перед монархом, и перед «публикой». Добродетельный государственный муж совершает политические деяния, которые продиктованы не просто верностью государю или стремлением к «общему благу», но и обладают дополнительной ценностью в силу своего личного характера и публичного признания. Важно, что деяния и достоинства политика должны остаться в памяти его соотечественников; это – личная амбициозность, находящая удовлетворение в признании «честным человеком» и «добродетельным гражданином», а не только «благочестивым христианином» или «преданным слугой императора»; ведь, как полагал Панин, где

43. Д.И. Фонвизин, *Рассуждение о непременных государственных законах*, с. 266.

44. О ключевом значении подобных «значимых жизнеописаний» говорят практически все исследователи республиканизма, от Ханны Арендт и Джона Покока до Олега Хархордина.

45. Д.И. Фонвизин, «Недоросль», с. 132.

произвол одного есть закон верховный, тамо... есть подданные, но нет граждан, нет того политического тела, которого члены соединялись бы узлом взаимных прав и должностей.⁴⁶

Был ли Панин знаком с римской историей? Мне неизвестны свидетельства того, что Панин знал латинский или греческий языки либо проявлял к этим языкам интерес. Однако книжное собрание Паниных включало французские переводы важнейших античных авторов, писавших о Риме⁴⁷. Впрочем, ключевые элементы «неоримского» стиля вполне могли быть заимствованы из европейской политической литературы XVII – XVIII вв., которая возрождала республиканские концепции античности в новом обрамлении⁴⁸. Морально-этическая проблематика в таких основополагающих текстах античной традиции, как «De Officiis» Цицерона или «Annales» Тацита, неотделима от собственно политических вопросов. Цицерон является одним из наиболее популярных авторов в каталоге собрания Паниных. Можно предполагать, что

46. Д.И. Фонвизин, *Рассуждение о непременных государственных законах*, с. 255.

47. См.: «Каталог книг из собрания Паниных», Б/д, не ранее 1839 г., РГАДА, ф. 1274, оп. 1, д. 2901, л. 68-77, 165об. Здесь присутствуют: «Histoire de Cicéron» (1744), «Histoire de Polybe» (1774), «Histoire romaine» Тита Ливия (1770), «Histoire de Salluste» (1775). В целом, Цицерон был одним из наиболее представленных в панинской библиотеке авторов – каталог включает более 15 изданий его текстов, а также ряд его биографий. Тацит представлен двумя публикациями – 1768 и 1772 гг. Первая из них является переводом на французский язык семи книг «Анналов» (под заглавием «Tibère ou les sept premiers livres des Annales de Tacite»). Среди трудов по римской истории надо назвать такие книги, как «Histoire de la jurisprudence des Romains» Антуана Террассона (1750), «Histoire des Empereurs romains depuis Auguste jusqu'à Constantin» Жана Кревье (1752), «Histoire romaine depuis la fondation jusqu'à la bataille d'Actium» (1764) Шарля Роллена (наряду с еще двумя экземплярами его «Римской истории», 1769 и 1772 годов издания), «Observations sur les Romains» Габриэля Мабли (1768), «Histoire des révolutions arrivées dans le Gouvernement de Rome» аббата Верто. Необходимо добавить сюда тексты Монтескье, включая его «Considérations sur les causes de la grandeur et la décadence de l'Empire Romain» (хотя год и место издания в каталоге библиотеки отсутствуют).

48. Потенциальным источником такого влияния мне представляются труды британского политика начала XVIII в. лорда Болингброка – одного из наиболее ярких поклонников «классических добродетелей» и «неоримского» стиля, внесшего огромный вклад в разработку проблем морали и политики. В фонде 222 Отдела рукописей Российской государственной библиотеки («Панины») присутствует рукописный экземпляр перевода сочинений лорда Болингброка на русский язык (ОР РГБ, ф. 222, картон 23, ед. хр. 5. *Письма о свойстве патриотизма. О понятии и должностях государя патриота. О состоянии партий, которые разделяли Англию во время вступления на престол Георгия Первого*). На первой странице книги карандашом отмечено «Дугино» – название имени Паниных. Составитель описи датировал этот экземпляр последней четвертью XVIII в. по неясным мне причинам; в то же время, составитель не смог указать автора, которым, бесспорно, является именно Болингброк. Составители академического издания Болингброка в серии «Памятники исторической мысли», куда, кроме прочего, вошли фрагменты из «The Idea of a Patriot King» и «A Dissertation upon Parties» отмечали, что «на русский произведения Болингброка переводятся впервые» (Болингброк, *Письма об изучении и пользе истории*, М.: Наука, 1978, с. 319). Однако одновременно составители обращали внимание на наличие рукописного перевода трех упомянутых выше сочинений Болингброка в ОР РГБ, но в собрании известного книголюба XIX в. И.А. Лукашевича, а не в фонде Паниных. Возможный факт знакомства Панина с трудами Болингброка трудно переоценить, особенно если учесть вполне определенное сходство между целым рядом соображений Болингброка в «The Idea of a Patriot King» и Панина в «Рассуждении о непременных государственных законах».

«честность», которая для Панина (и его окружения) была ключевой добродетелью государственного мужа, восходит к римской «*honestas*» – основополагающему качеству, которым, по Цицерону, должны обладать представители элиты, «*boni*», лучшие граждане...

Как бы то ни было, концепция гражданских доблестей в России XVIII в. нуждается в установлении своих интеллектуальных источников и не может быть с легкостью сведена исключительно к сословному самосознанию дворянской элиты. Елена Марасинова подчеркивает: понятие «честь», которое доминирует в личной корреспонденции российского дворянства XVIII в., не было наполнено сословным либо клановым высокомерием и связывалось с такими категориями, как «совесть» или «благородство»; эти категории, в свою очередь, демонстрировали не столько особые качества, присущие только правящей элите, сколько нравственное достоинство личности⁴⁹. В то же время представители элиты «считали себя историческими личностями, верили в должную оценку ‘мужей великих дарований’, к которым причисляли себя, и не сомневались в справедливом суде грядущих поколений»⁵⁰.

Итак, понимание политики в России XVIII в. зависело не только от того, как конкретный исторический актор определял взаимоотношения и функции государственных институтов, но и от особенностей его морально-этической концепции, а также вытекающих из нее поведенческих моделей и мотивационных схем. Не менее важно, что речь идет вовсе не о цельных теориях и «политических программах»; чаще всего (как, например, и в случае с Паниным) «мыслительная вселенная» конкретного исторического деятеля оказывается полной противоречий – но я полностью согласен с цитированным в начале этой статьи мнением Владимира Береловича о необходимости сконцентрироваться *именно на противоречиях*:

Dont le but ne sera pas de dégager une philosophie constituée et cohérente, mais plutôt de s'attacher aux contradictions de ce texte, à ses zones d'ombre, spécifiques de l'univers mental.⁵¹

Исследовательский подход, позволяющий учесть подобные особенности, способен оказаться весьма плодотворным при изучении политической истории и – шире – политической культуры России XVIII – начала XIX столетий.

*Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б.Н. Ельцина*

Konstantin.Bugrov@usu.ru

49. Марасинова, *Власть и личность: Очерки русской истории XVIII века*, с. 407.

50. Там же, с. 345.

51. Berelowitch, *Le «Discours sur les lois» de Fonvizin: Une éthique subversive...* p. 205.